

Е. А. Ялозина

КАДРОВАЯ ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА 1920-Х ГОДОВ КАК ПРОЛОГ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

Освещается проблема подготовки учителей для работы в советской школе в 1920-е гг. Рассматривается механизм советской кадровой политики, получивший название «чистки». Раскрыты формы, методы, основные этапы и результаты деятельности комиссий-троек.

This article is devoted to the training of Soviet school teachers in the 1920s. The author considers the mechanism of the Soviet staff policy, the so-called purges. The article reveals the forms, methods, basic stages, and results of the work of purge commissions.

Ключевые слова: советская школа, советское учительство, подготовка кадров, «чистки», комиссии-тройки, репрессии.

Key words: Soviet School, Soviet teaching, staff training, purges, purge commissions, repressions.

Современной отечественной историографии сталинских репрессий свойственны сложившийся традиционализм во взглядах на причины ужесточения политического режима в 1930-х гг., его формы и методы и высокая степень дискуссионности по проблемам размаха репрессий, их последствий для страны. В этом контексте важно актуализировать и рассмотреть проблему организационно-структурных истоков и преемственности форм сопровождения репрессивной практики большевиков применительно к межвоенному периоду. Анализ архивных документов, связанных с изучением советской школьной политики периода НЭП, с очевидностью демонстрирует, как по отношению к учительству советская власть системно апробировала и куммулировала свой репрессивный опыт кадровой политики.

Декларируя принцип формирования нового человека через его обучение и воспитание в советской школе, большевики столкнулись с серьезной кадровой проблемой подбора необходимого количества учителей в соответствии с определенным их социальным составом, уровнем политической грамотности, профессиональной подготовки и идеологической лояльности. Директивы РКП(б) и Народного комиссариата просвещения (далее – Наркомпрос) призывали местные партийные, советские и профсоюзные организации решать двуединую задачу: во-первых, отказаться от практики отношения к работникам просвещения как к саботажникам, широко использовать их знания, опыт, активно перевоспитывать путем вовлечения в работу по социалистическому переустройству страны; во-вторых, власть указывала на важность постепенного «прореживания» и замещения контрреволюционной, оппозиционно настроенной части учительства новыми кадрами советской трудовой интеллигенции.

Вопросами обеспечения школ такими кадрами должны были заниматься специально созданные летом 1918 г. в ведомстве Наркомпроса экспертные комиссии. В их компетенцию изначально входили инструктирующие функции [1, с. 30–32, 61]. Однако в первые годы НЭПа в связи с усилением идеологической направленности образования деятельность экспертных комиссий всех уровней была переориентирована на выполнение организационных и контролирующих функций. Общий характер и нечеткость формулировок регламентирующих документов о функциях экспертных комиссий давала местным органам возможность широкого толкования указанных положений. Как показывает практика, в первой половине 1920-х гг. местные власти, формально следуя официальной линии РКП(б) и Наркомпроса, реализовывали ее достаточно радикально, в духе «военного коммунизма». Это нашло выражение в том, что на местах экспертные комиссии при отделах народного образования стали называть «проверками», а их методы работы – «чистками».

В 1922 г. партийно-советская власть развернула первую широкую кампанию по «чистке» учительства. В состав «проверкомов» входили представители исполкома, партийных комитетов. Их задача заключалась в проведении учета и перерегистрации работников просвещения (на основе заполненных анкет), в определении уровня их профессиональной подготовки, отношения к новой власти, степени участия в общественной жизни, инициативности. По итогам такой работы комиссии учителей распределяли на три категории. К последней, составляющей около 12–15%, относили «непригодных по политической и педагогической неблагонадежности», их отстраняли от преподавания в школе. Парадоксальным был факт, что практически все уволенные по неблагонадежности учителя получали новое назначение в другие школы, как правило, в

отдаленных селах и деревнях. Причем направлением их на работу занимался тот же «проверком». Острый кризис кадрового обеспечения в рассматриваемый период заставлял членов «проверкома» идти на этот шаг вопреки идеологическим соображениям, но руководствоваться в то же время революционным правосознанием. Так, например, семьи, где оба супруга были учителями, направлялись в разные места: жена с детьми в одно, муж — в другое. В ответ на настойчивые жалобы, письменные заявления учителей с просьбой оставить их на прежних местах, местные власти реагировали еще большим ужесточением и запугиванием.

Радикальная политика насильственного переселения и разделения семей учителей, проводимая «проверкомами», имела под собой юридические основания: в июне 1922 г. вступил в действие Уголовный кодекс РСФСР, по которому система наказания варьировалась от общественного порицания до изгнания за пределы страны. Суд мог применять и меры социальной защиты общества от опасных элементов: удалять их из какой-либо местности, запрещать занимать определенные должности.

Влияние принципа большевистской политической целесообразности на правоприменительную практику сказалось и на расширении прав «проверкомов». Они самостоятельно, при молчаливом согласии властей, толковали закон и распространяли его применительно к своей практике «чисток» учительства, позиционируя себя, таким образом, как несудебный орган. Радикальные формы, методы работы и деятельность «проверкомов» не встречали действенного сопротивления со стороны руководителей местных советско-партийных органов власти, а порой активно поддерживались ими. Недоверие к учителю и конфронтация в отношениях с ним были возведены в основной принцип кадровой школьной политики на местах: несмотря на директивы центра, к учителям там зачастую продолжали относиться как к потенциальным саботажникам.

Стремясь снять напряженную атмосферу вокруг учительства и перевести проблему в конструктивную плоскость, Наркомпрос в лице своих инспекторов, направляемых на различные советско-партийные конференции, призывал к более прагматичному и рациональному взгляду на кадровую проблему, к необходимости изменения климата в отношениях со школьными работниками на местах в позитивную сторону. Вынужденные реагировать на настойчивые просьбы, замечания и указания центра, местные власти искали пути совершенствования своей деятельности. Но, привыкшие руководствоваться методами, выработанными в условиях «военного коммунизма», они плохо представляли себе сугубо партикулярные продуктивные способы улучшения работы с учительством. Их действия сопровождались известным бюрократическим арсеналом администрирования и формализации, организацией более четкой работы «проверкомов».

Весной 1924 г. на фоне постепенного восстановления социально-экономического состояния страны обозначились и первые признаки выхода школы из кризиса. Ее развитие обеспечивалось решением задач структурно-организационного, программно-методического характера. В этих условиях власть устроила вторую кампанию «чисток». В мае — сентябре перед «проверкомами» была поставлена задача — выявить уровень политической и педагогической подготовки учителей, их готовности к работе в новых условиях и «обезвредить школы от работников низшей категории» [2, д. 2, л. 39]. Летом 1924 г. отделы народного образования с сожалением констатировали массовые увольнения учителей. Не желая мириться дальше со своим бедственным положением, а тем более проходить очередную советскую «чистку», учителя уходили из школы в поисках другой работы. «Проверкомы» своими методами провоцировали новые увольнения, и, ратуя за так называемое качество, усугубляли количественные показатели кадрового состава учительского корпуса.

В состав «проверкомов», развернувших тем временем свою деятельность, входили заведующие соцвосом, инспектора отдела народного образования, представители партийного комитета, женотдела, профсоюза. Такое представительство в комиссиях власти объясняли желанием всесторонне подойти к оценке деятельности не только каждого учителя, но и всей школы, дать в целом оценку ее руководящему звену. Объем отчетных материалов, которые необходимо было представить комиссии, вопросы, задаваемые школьным работникам, свидетельствовали о подготовке основательного плана проведения проверки. Заведующий школой обязан был представить на комиссию заполненную анкету, автобиографию, характеристику на каждого учителя, отчет о проделанной школой работе за учебный год. Вопросы «проверкомов» носили общественно-политический характер, касались задач строительства советской школы, новых учебных программ Наркомпроса, современных методов преподавания и отношения к этому самих учителей [2, д. 4, л. 2—155].

Итоги работы «проверкомов» в школах весной — осенью 1924 г. показали, что только около 2—3 % учителей были признаны полностью пригодными для работы в советской школе. Учителей,

«условно пригодных» для работы в советских школах и отнесенных ко II и III категориям, было соответственно около 23 и 59 %, т. е. подавляющее большинство. Они по заключению членов комиссии обнаружили слабое знание вопросов идейно-политического характера или затруднились в ответах на вопросы о новом программно-методическом обеспечении учебного процесса. Этим учителям было рекомендовано обязательно пройти курсовую политическую и педагогическую переподготовку. К категории «несоответствующих занимаемой должности без права заниматься просвещенческой деятельностью» было отнесено около 14–15 %. Из их числа почти $\frac{2}{3}$ учителей подавали кассационные заявления в вышестоящую инстанцию — областной «проверком». Но подавляющему большинству обратившихся туда было отказано в восстановлении на работу и в праве заниматься педагогической деятельностью [2, д. 2, л. 4, 6, 12–16].

В связи с усилением внимания к программно-методической работе школ, разработкой и внедрением новых учебных программ Наркомпрос опубликовал постановление о приостановке деятельности экспертных комиссий в том виде, как они существовали, их контрольно-экспертные функции передавались окружным методическим комиссиям, созданным при отделах образования. Формально это была новая структура, однако, по сути, одним из важных направлений ее деятельности было продолжение работы прежнего «проверкома». Свою работу окружная методическая комиссия строила на основе «Временного положения об экспертной комиссии при методбюро», направленного на места Наркомпросом весной 1925 г. В ее компетенцию входила «экспертиза для работающих учителей и лиц, вновь поступающих, квалификация которых вызывает сомнение» [3, л. 18].

Дальнейшая деятельность «проверкомов» — экспертных комиссий претерпела принципиальное изменение в связи с расширением функций контрольных комиссий РКП(б) на местах. В конце 1925 г. экспертные комиссии по учительству при отделах народного образования были распущены, а их функции перешли к специально создаваемым для этих целей при парткомах комиссиям-тройкам. На протяжении следующего года они разворачивали свою деятельность, тщательно контролировали идейно-политическую подготовку учительства и «чистку» его состава. Партийные директивы указывали комиссиям на необходимость соблюдения осторожности в деле пересмотра кадрового состава, особую осмотрительность в вопросах увольнения. Проводить эту работу рекомендовалось в секретном порядке, чтобы прежде времени не срывать работу учителей и не провоцировать их массовый уход из школы.

В тот же период произошли расширение прав райисполкомов и передача им права увольнения и перемещения учительства. Желая популярно объяснить свои столь активные организационно-кадровые действия, власть говорила, что они в основном были вызваны желанием улучшить работу школ, обеспечить классовую направленность их деятельности. На практике это якобы здоровое желание совершенствования «проверкомов» качества работы школы проводимое привело к небывалому росту правонарушений в отношении учительства и выражалось в форме необоснованных увольнений, перемещений, грубого обращения, беспричинных оскорблений, добровольно-принудительного вовлечения в общественную работу под угрозой увольнения в случае несогласия.

Под «чистки» в первую очередь попадала та часть учительства, которая противопоставляла свою точку зрения в вопросах идеологии, политики, организации и содержания учебного процесса официальной линии, проводимой партийными и просвещенческими органами, или скрывала свое социальное происхождение. Увольнению подлежала также особая категория учительства, которой, к сожалению, были свойственны пороки человеческого рода — отлынивание от работы, недобросовестное отношение к ней, пьянство. Многочисленные письма-жалобы населения в адрес партийных и советских органов свидетельствуют о частых, особенно среди сельского учительства, подобных случаях поведения. В заявлениях сельских жителей содержались настойчивые просьбы о замене таких «работников», чей моральный облик не соответствовал представлениям об учителе вообще. Увольнения и перемещения их были вполне оправданы и обоснованы.

Обычной практикой низовых органов власти было применение жестких мер и грубое администрирование по отношению к учительству, продиктованных личными счетами, кумовством, преследованием за критику, непроверенными слухами, недостаточным пониманием специфики работы в школе, бюрократизмом. Очевидность правонарушений признавалась советскими, партийными, комсомольскими, профсоюзными органами, но не встречала активного и адекватного противодействия с их стороны. Эта проблема была поставлена на повестку дня специального заседания Совета народных комиссаров РСФСР 6 сентября 1927 г., по итогам которого правительство приняло постановление «О мероприятиях по защите правового

положения работников просвещения». Однако в условиях все еще распространенного правового нигилизма местной власти и отсутствия организационно-правового механизма противодействия таким нарушениям данный документ оставался не более чем констатацией факта и не мог эффективно повлиять на сложившуюся практику.

Тем временем маховик советских «чисток» набирал обороты и был «запущен» в третий раз. Апогеем их проведения в рассматриваемый период стал период весна — осень 1928 г., а результатом — волна массовых увольнений и перемещений, охватившая около 45 % учительства, главным образом сельского. При этом экспертные комиссии-тройки продолжали действовать привычными и апробированными методами грубого администрирования. Размах и последствия кампании вызвали серьезную обеспокоенность центральной власти и заставили ЦК работников просвещения, Наркомпрос, рабоче-крестьянскую инспекцию приложить усилия к тому, чтобы прекратить гипертрофированную практику преследования учителей. В начале 1929 г. накал этого процесса удалось приостановить, волна массовых правонарушений на местах пошла на убыль. Потерпевшие стали постепенно восстанавливаться на прежнем месте работы. Но последствия допущенных административных правонарушений оставили серьезный отпечаток на дальнейшей судьбе учительства [4, с. 9]. Ощущение бесправности, незащитности, неуверенности в своем положении создавало упадническое настроение у учительства, приводило его к замкнутости, снижению профессиональной и общественной активности, бегству из деревни, формировало аполитичные настроения, порождало разочарование во власти [5, л. 3—12]. Сводки об уходе учителей из школ поступали в Наркомпрос с удручающей регулярностью. На начало 1931/32 учебного года недостаток учителей в школах РСФСР только по официальным данным составлял 17 тыс. человек [6, с. 47].

Таким образом, декларируя прогрессивные идеи новой школы и принципы формирования и деятельности советского учительства, большевики на практике рассматривали его роль узкопрагматично, в качестве важного инструмента идеологического воспитательного влияния на общество, инструмента управления процессом советского школьного строительства. В достижении своих партийно-идеологических установок власть использовала жесткие административно-бюрократические методы формирования кадров советского учительства, получившие и соответствующее название — «чистки». Они проводились несудебными экспертными комиссиями («проверками»), комиссиями-тройками. Механизм их работы отличался правовым нигилизмом местной власти, сопровождался дискриминацией, нарушением прав, маргинализацией и продуцентом, апробированным в 1920-е гг. в ходе трех кампаний. Комиссии выполняли чрезвычайно важную роль в стратегии формирования нового типа социальным напряжением в среде учительства.

Как метод кадровой политики большевиков «чистки» были их продуцентом, апробированным в 1910-е гг. в ходе трех кампаний, и выполняли чрезвычайно важную роль в стратегии формирования нового типа учительства. Они были приняты на вооружение советской властью для реальной оценки профессионального и общественно-политического кадрового потенциала в школьном строительстве. Опыт учительских «чисток» периода НЭП стал в определенном смысле прологом и сопровождением грядущей сталинской репрессивной политики, а дискриминируемые категории просвещенцев, как показала жизнь, оказались группами риска в условиях массовых репрессий 1930-х гг.

Список источников и литературы

1. Вестник Наркомпроса. 1918. №43.
2. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р. 64. Оп. 2.
3. ГАРО. Ф. Р. 2584. Оп. 1. Д. 3.
4. Народное просвещение. 1930. №8.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Д. Оп. 1.
6. Коммунистическое просвещение. 1931. №23.

Об авторе

Елена Алексеевна Ялозина — канд. ист. наук, доц., Всероссийская государственная налоговая академия Минфина РФ, e-mail: elena_yalozina@mail.ru

Author

Dr. Yelena Yalozina, Associate Professor, All-Russian State Tax Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation, e-mail: elena_yalozina@mail.ru